

Н.Я. Марр

**Избранные работы Том 3.
1934**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Я. Марр**
Избранные работы Том 3. 1934 / Н.Я. Марр – М.: Книга по Требованию, 2012. –
445 с.

ISBN 978-5-458-33593-5

ISBN 978-5-458-33593-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловие к третьему тому

I

Согласно общему плану, принятому для издания «Избранных работ» Николая Яковлевича Марра, третий том, озаглавленный «Язык и общество», служит продолжением второго, поскольку в нем также освещаются кардинальные проблемы «нового учения» о языке, но уже в их увязке с вопросами исторической науки.¹ Основным стержнем всех трудов Н. Я. Марра, включенных в настоящий том, является созданная Н. Я. Марром материалистическая палеонтология, противопоставленная им идеалистической палеонтологии индоевропейцев.

Все работы Н. Я. Марра, вошедшие в состав тома, соединены в четыре группы. Вне группы стоит лишь одно исследование «Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста (к датировке Адышского евангелия и опять к вопросу о скифах-русах)», которая хотя и связана с работами третьей группы, однако имеет специфические черты и генетически скорее относится к филологическим трудам Н. Я. Марра по изучению памятников грузинской и армянской средневековых литератур.

В первую группу вошли те обобщающие работы Н. Я. Марра, в которых им изложены общие проблемы палеонтологии языка, как исторической дисциплины и которые позволяют судить о том принципиально-новом, что внесено основоположником нового учения о языке в эту исключительно важную для всей науки о развитии человеческого общества область знания. Конкретно первую группу составляют: статья, популяризирующая достижения нового учения об языке, преимущественно в части палеонтологии, «Об яфетической теории», речь, читанная в годичном собрании Государственной Академии истории материальной культуры в 1926 г., «Лингвистически намечаемые эпохи развития человечества и их увязка с историей материальной культуры», и, наконец, доклад, прочитанный на открытии подсекции материалистической лингвистики секции литературы, искусства и языка Коммунистической академии, озаглавленный «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории».

Из названных работ первая опубликована в 1924 г., последняя доложена 27 октября 1928 г., и хотя их разделяет период только в четыре года, однако даже неспециалисту легко заметить качественную разницу в общих методологических установках и соответственно в трактовке одних и тех же вопросов. Если в работе «Об яфетической теории» Н. Я. Марр, уже отбросивший расовое объяснение происхождения индоевропейских языков, продолжает еще считать разра-

¹ Избранные работы, т. I, стр. IX.

ботанное им яфетическое языкознание лишь дополнением к индоевропейской лингвистике в части изучения древнейших эпох языка, хотя и предвидит, что совместная работа яфетидологов с индоевропейцами вряд ли возможна и что «борьба неизбежна на фронте не только научных методов и теоретических положений, но и общественно важных проблем. так, переноса в первую голову исследовательской работы на бесписьменные языки культурно поработанных народностей и выяснение основ будущего действительно единого языка человечества, содействие в ускорении этого неизбежного мирового процесса усовершенствования лингвистической техники», — то в «Актуальных проблемах и очередных задачах яфетической теории» он четко и резко противопоставляет свое новое учение о языке старому буржуазному компаративизму. Теперь вопрос стоит для Н. Я. Марра не о том, чтобы в том или ином виде добиться признания достижений яфетидологии у работников индоевропейской лингвистики: «нас тревожит и волнует другой вопрос, — заканчивает он свой доклад в Коммунистической академии, — а именно — удастся ли нам реализовать в темпе актуальной потребности скрещение новых языковедных достижений яфетической теории с общественно-историко-материалистическим методом? А это основная сейчас проблема из проблем, задача из задач, первоочередная и актуальнейшая, яфетической теории». Практика последующих лет напряженной работы, как известно, полностью оправдала надежды Н. Я. Марра, и в настоящее время новое учение о языке не только использует основные положения исторического материализма, но и внутренне перестраивается, включившись в общий фронт марксистско-ленинской науки.

Параллельно изменению общей методологии работ Н. Я. Марра не менее коренным образом перевооружалась яфетидология и в части своей лингвистической техники. На смену старой фонетической технике индоевропейцев с формальным анализом отдельных звуков в разрыве от содержания пришел лингвистический анализ по четырем элементам, давший возможность практически увязать содержание и форму в изучении языковых явлений. Касаясь последнего момента, Н. Я. Марр в работе «Семантической палеонтологии в языках не яфетических систем» отмечает, что уже во времени первого изложения своих новых теоретических взглядов в докладе «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании средиземноморской культуры», он «почувствовал, что у яфетической теории уходит почва из-под ног, поскольку она орудует все-таки пережиточной техникой старого учения». «Но можно ли было до открытия четырех элементов технически справиться с наметившимися в той работе новыми проблемами и проработать имевшиеся достижения во всех подробностях, а иногда и по существу, как мы теперь то понимаем?» спрашивает Н. Я. Марр и, отри-

пательно отвечая на этот вопрос, предупреждает, что «одни лингвистические элементы не могли и по установлении их в числе четырех явиться поворотным пунктом в направлении яфетической теории . . . Творческая мощь четырех элементов в исследовательском деле — это семантика, порожденная на различных стадиях в различных путях различными орудиями производства. Семантика дала добрый шаг за шагом палеонтологичею речи до процесса организации языкового материала, проникнуть в нее. Благодаря ей четыре лингвистических элемента открыли новый путь увязки, уже увязали даже отрешенные фонетические нормы, как производные, с идеологиею общественности, как производительницы, в путях диалектического материализма».

Новый, в основе своей материалистический и диалектический подход Н. Я. Марра к проблемам семантики и к палеонтологии языка в свою очередь привел к тому, что самое содержание палеонтологии речи, дисциплины, разработывавшейся еще основоположниками индоевропейского языкознания (достаточно вспомнить хотя бы замечательную «Историю немецкого языка» Гримма), в корне изменилось.

Осуществляя мысль Лейбница о том, что «ничто не проливает больше света в исследованиях происхождения древних народов, чем сравнение языков»,¹ уже современники Боппа пытались при помощи сравнительного изучения языковых фактов воссоздать древнейшую культурную историю индоевропейских народов и с помощью палеонтологии языка построить науку, которая наряду с археологией позволяла бы историку спускаться в глубины прошлого, лишенного еще письменных памятников. Проблема палеонтологии речи в основных своих моментах была сформулирована Фридрихом Шлегелем в его сыгравшей историческую роль книге «О языке мудрости индийцев» (Гейдельберг, 1808 г.), принципы которой были широко использованы Боппом в «Сравнительной грамматике». Именно Фр. Шлегелем, этим подлинным духовным отцом индоевропеизма, значение и заслуги которого младограмматики всячески пытались умалить, были указаны те пути, идя по которым палеонтология языка индоевропейцев, с одной стороны, очень быстро смогла дать столь близко пришедшую по сердцу буржуазным историкам картину идиллической доистории «арийцев», картину, в существенных чертах оставшуюся неизменной и поныне, а, с другой, — почти столь же быстро исчерпала себя в качестве исследовательского метода и стала в резко-противоречивые отношения с фактами других вспомогательных исторических дисциплин — антропологии, археологии, этнографии.

¹ «Nihil majorem ad antiquas populorum origines indagandas lucem praebere, quam collationem linguarum».

Причины быстрого расцвета и сменившего процветание длительного кризиса индоевропейской палеонтологии следует искать прежде всего в классовом ее содержании. Выступая, как и все индоевропейское языкознание в целом, в качестве идеологического продукта буржуазии, развиваясь под сильнейшим влиянием реакционного мировоззрения немецкого романтизма, палеонтология языка в буржуазной науке не столько служит методом для исследования, сколько является своеобразным вариантом уже заранее выбранной тем или иным ученым, той или иной фальсифицированной в классовых интересах эксплуататоров буржуазной исторической концепции. В работах индоевропейцев палеонтология языка является лишь маюценным для подлинного научного знания результатом нанизывания тенденциозно подобранных и очень часто совершенно превратно толкуемых языковых данных на готовую, втянутую напрокат историческую канву.

Конечно, лишь в некоторых случаях, как, например, по отношению к «трудам» созданной кардиналом Вильгельмом Шнидтом школы воинствующего католицизма (журнал «Anthropos») или к «исследованиям» одной из наиболее фашистски выдержанных академических группировок, сконцентрированной вокруг журнала «Mannus», можно и следует ставить вопрос о сознательном извращении фактов с целью получить заранее намеченные выводы. Однако и у лучших, вполне объективно подходящих к лингвистико-палеонтологическим штудиям ученых их классовое сознание заставляет их видеть материал только в тех аспектах, которые выработаны методологами буржуазной исторической науки. В лучшем случае эти работы возвышаются до добросовестного сбора материалов и до установления правильных частных заключений по отдельным вопросам, при чем нередко сам исследователь подчеркивает невозможность сделать конкретные обобщающие исторические выводы вследствие противоречивости лингвистических данных.

Совершенно другого качества палеонтология речи, разработанная Н. Я. Марром. В трудах лингвиста-материалиста и диалектика палеонтология действительно превратилась в мощное орудие лингвистического исследования, а добытые при его помощи выводы и факты служат ценнейшим историческим источником для изучения древнейших стадий человеческого общества. Новая палеонтология языка позволила не только проникнуть в тайны происхождения индоевропейских языков, но благодаря ей удалось вплотную подойти к решению проблемы о происхождении языка, которую современные эпитоны сравнительно-исторического языкознания выбросили, как неразрешимую, за борт своего измощенного судна.

В то время как у индоевропейцев даже палеонтология языка скована гнетущими узами расово разграниченных «семейств» языков, у Н. Я. Марра, ко-

терый совершенно справедливо считает, что «наукой об языке может быть признано только то учение, которое считается с особенностями всех языков мира и, исходя из учета конкретной системы каждого из них, не только отводит или намечает каждому из них принадлежащее ему место в среде всех, но и выявляет те пути и те рамки, в которых может и должна отныне протекать специальная работа над каждым языком»,¹ палеонтология языка неразрывно связана с учением об единстве глоттогонического процесса и внимательно исползовывает все доступные исследованию факты языков мира. Проследившая в сокровищнице мировой речи человечества многообразные отложения всех стадий глоттогонии, палеонтология нового учения спускается в глубочайшую древность, для изучения и научного восстановления которой историк не располагает ни письменными, ни вещественными памятниками. «В палеонтологии звуковой речи, — говорит Н. Я. Марр, — человек охватывается с первого момента его существования и раскрывается по сигнализации языка. Этого не дает ни одна историческая наука, ни естественная, ни общественная. Раскрывается, как человек сам себя создал, перекраивая себя из зверя в домашнее, общественное животное, а из животного в человека».² С древностью сигналируемых языком исторических данных могут поспорить разве только древнейшие ископаемые остатки самого человека.

С полным основанием отмечает Н. Я. Марр, что исследовательские достижения в области палеонтологии языка и неразрывно с нею связанной семантики являются основными лингвистическими достижениями нового учения о языке: «Вопрос не в новизне терминов, — указывает он в «Актуальных проблемах и очередных задачах яфетической теории», — а в новизне того, что пришлось под напором фактических данных уже вложить в их понимание, т. е. вопрос стоит об их реальном содержании. Это строго закономерная изменчивость значений слов и строго закономерная устанавливаемость каждого из них не эмпирическим путем, зависящим от практики употребления их в той или иной среде, тем или иным автором, или в какой-либо мере случайной коллективной санкцией в быту, а от норм увязанности значений с хозяйственно-общественной жизнью и ее запросами, закономерно меняющимися на различных ступенях стадийного развития».

Этот же вопрос поднимает Н. Я. Марр и в своей работе «Язык и современность». «Термин «палеонтология», — говорит он там, — сбивает с толку многих и специалистов. Войствующие идеалисты-языковеды, формалисты по своему миру различных толков, то бесспорные правые, то сомнительные левые, охо-

¹ Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, стр. 1.

² Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, стр. 13.

тась за каждым лыком, чтобы поставить его в строку против нового учения об языке... пользуются и этим словом, чтобы дискредитировать языческую теорию, которая как будто изучает бесполезные для современности древности. Если бы дело шло лишь о словах, ну хотя бы о благозвучии или красоте термина, то оставалось бы выразить готовность принять любую полноценную его замену... Нас более смущает то, что самым звучанием своим слово это ничего не говорит ни уму, ни сердцу масс, какой бы они национальности ни были, между тем осмысливающим его содержанием оно необходимейшая часть нового учения: оно сигнализирует узловые революционные звенья в цепи исторического развития материальной базы, а за нею и надстройки — языка... Палеонтология речи нового учения об языке не имеет ничего общего с палеонтологией старого учения об языке, где термин также использовался в применении к эволюционному развитию уже сложившихся языков или вообще отвлеченно по формальным признакам сочиненного общего языка, да еще в пределах одной позднейшей стадии, и с палеонтологией там, действительно, связывается интерес исключительно к древнейшему состоянию языка или групп языков той же самой стадии. Палеонтология речи и нового учения об языке также считается в порядке своего подхода с древнейшим состоянием языка человеческих обществ, но и здесь учитывает оно коренные сдвиги и смены по стадиям.

Для человека, воспитанного на индоевропейских этимологиях, где сближение слов проводится в узких рамках родственных «семейно» языков и по жестким нормам механистических «фонетических законов», где анализ многообразных значений какого-нибудь слова проводится, строго следуя метафизическому формально-логическому мышлению и по привычным для современного «здорового смысла» связям, — палеонтологические результаты исследований Н. Я. Марра кажутся не только странными, но они абсолютно неприемлемы по своему резкому противоречию всем незыблемым, казалось бы, присущим человеку во все времена «престейшим» фактам — своего рода аксиомам.

Идеалистические измышления, почти нераздельно господствующие в семантических исследованиях индоевропейцев и являющиеся лишь перепевом начального стиха евангелия от Иоанна «в начале было слово», и попытки вульгарных материалистов «отыскать» у обезьян, собак, даже петухов и галок «естественные слова», — терпят полное и жалкое поражение, и на материалах истории семантики полностью подтверждается правильность марксистско-ленинского подхода к проблеме сознания. «Никаких натуральных слов не существовало, — показывает Н. Я. Марр в своей работе «Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком». — Слова создались с тех пор, как стала слагаться звуковая речь в удовлетворение потребностей, возникавших с развитием хозяйственной жизни и со-

пшальной структуры коллективов в путях достигнутой в то время техники и в зависимости от мышления тех же эпох». Материалистическая палеонтология языка Н. Я. Марра раскрывает сложные процессы общественной истории слов.

Совершенно очевидно, однако, что история семантики не может быть построена только на генеалогии отдельных слов, — необходимо все эти генетические линии происхождения и развития лексики, палеонтологически прослеживаемые в различных частях словаря языков мира, классифицировать, свести в одно целое, вскрыть закономерности в развитии семантики, исследовать специфические явления, присущие семантике отдельных эпох, показать обусловленность их исторической смены развитием и сменой различных стадий в истории мышления, найти реальные связи трансформации слов с исторически сменяющимися друг друга мировоззрениями человечества, отражающими лежащий в их основе диалектический процесс развития материального производства.

Необходимо изучить также диалектику развития языковой формы, понять законы ее движения в связи с изменениями семантического содержания. Весь язык, как целое, должен быть изучен в его историческом развитии, как качественно-сложное явление. «Сравнительный метод индоевропейцев, — отмечал по этому поводу Н. Я. Марр в «Чуваших-яфетидях», — оказался учением лишь формальным, упустившим, что человечество меняло формы, самые типы языка, меняло с ними не только значение слов, но и основы распределения значения и даже их созидания, в связи с изменением системы мышления в зависимости от коренной перестройки хозяйственной и общественной жизни».

Голому синхронистическому описанию лингвистических явлений, сменившему у современных формалистов-эпигонов неудавшиеся классикам-творцам индоевропейской лингвистики попытки создать историю языка, Н. Я. Марр противопоставляет свою палеонтологию речи — материалистическое изучение диалектики языка-мышления, где центральное место занимает история семантики. Палеонтология языка в учении Н. Я. Марра материалистически выявляет не только общественную историю отдельных слов, она показывает также социальный генезис и развитие всех вообще явлений языка. Новый, в основе своей диалектико-материалистический метод нового учения о языке позволял Н. Я. Марру не только наметить все перечисленные выше задачи, но и значительно продвинуться вперед, установив многие конкретные законы семантики и дав историческое объяснение явлениям синтаксиса, морфологии и фонетики на основе имеющего принципиальное значение положения о стадильности в развитии языка-мышления.

II

«Старое учение о языке, — говорит Н. Я. Марр, — правильно отказывалось от мышления, как предмета его компетенции, ибо речь им изучалась без мышления. . . в старом учении существовали законы фонетики (законы звуковых явлений), но не было законов семантики — законов возникновения того или иного смысла, законов осмысления речи и затем частей ее, в том числе и слов. Значения слов не получали никакого общественно-идеологического обоснования».¹ Новое учение Н. Я. Марра, определяя язык как идеологическую надстройку, проблемы языка ставит и разрешает лишь в диалектической связи с мышлением. Ленинская мысль «история мысли = история языка» облекается в трудах Н. Я. Марра в кровь и плоть, и новое учение о языке вносит свой крупный вклад в построение материалистической теории познания.

В круг важнейших проблем о взаимосвязи языка и мышления вводят исследования Н. Я. Марра, составляющие вторую группу работ настоящего тома: «К вопросу о первобытном мышлении в связи с языком в освещении А. А. Богданова», «Стадия мышления при возникновении глагола 'быть'» и доклад, прочитанный на чрезвычайной сессии Академии наук СССР в Москве 26 июня 1931 г., «Язык и мышление», резюмирующий основные выводы Н. Я. Марра.

Буржуазное языкознание знает и признает лишь одну формальную логику, руководствуясь принципами которой оно пытается понять закономерности в изменении семантики и строя языка. Наталкиваясь на многочисленные в любом языке пережитки более ранних эпох, очень часто пережитки древнейших стадий человеческой истории с их особой структурой и содержанием мышления, резко отличными от современных форм, лингвисты-индоевропейцы не могут понять их специфичности. Они поэтому либо попросту отбрасывают их, как «исключения», либо в корне извращают, нередко самым фантастическим образом, или, наконец, вслед за французским ученым Люсьеном Леви-Брюлем ссылаются на «дологическое» мышление, как на их основу. Если первый путь — путь «исключений» — является откровенным признанием полного своего бессилия разрешить проблему, а второй свидетельствует лишь о смелости и изобретательности, но отнюдь не о реальном понимании предстоящих задач, то попытки превратить «дологическое» мышление в якорь спасения, хотя в зародыше и содержат правильное решение, тем не менее также оказываются несостоятельными. Дело в том, что все буржуазные исследователи первобытного мышления, и Леви-Брюль в том числе, абсолютно не в состоянии, с одной стороны, вскрыть сущность этого

¹ Язык и современность, стр. 12.

«мистического» мышления, — оно для них в основах своих остается загадочным, — а, с другой стороны, они не могут найти перехода от мышления «дологического» к логическому. Тем самым «дологическое» мышление выполняет в работах языковедов-идеалистов ту же направленную к изничтожению материализма функцию, которая в родственных языкознанию областях науки возложена на «пигуицу» Бергсона, «подсознательное» Фрейда и т. д.

Было бы, однако, в корне неправильным в борьбе против идеалистического, одностороннего, преувеличенного, неправильного истолкования первобытного мышления становиться на позиции полного отрицания каких бы то ни было положительных моментов в исследованиях Леви-Брюля и других ученых, исследующих проблемы «дологического» мышления, а тем более отрицать наличие специфических различий исторических форм мышления и брать последние не в их диалектическом движении, а в метафизической статике, игнорируя самую проблему первобытного мышления. «Реакционные поползновения порождаются самым прогрессом науки», учил В. И. Ленин, давая блестящие примеры того, как нужно диалектически и материалистически усваивать достижения буржуазной науки, решительно борясь в то же время против всяких попыток протащить под флагом этих достижений реакционную контрабанду идеализма и поповщины.

Конкретный палеонтологический анализ древнейших слоев языческих языков позволил Н. Я. Марру критически подойти к концепции Леви-Брюля и дал возможность разрешить многие загадки первобытного мышления, устраняя идеалистические извращения позитивистско-дюргеймовского толка в объяснении фактов этого мышления у Леви-Брюля. Так, лингвистические факты, добытые палеонтологией языка нового учения, выяснили грубое противоречие действительности метафизически данного у Леви-Брюля противопоставления «дологического» мышления мышлению логическому. «Слепой «смазывающий» конкретное положение термин «дологический», так нас многих пленяющий с легкой руки Леви-Брюля, — говорит Н. Я. Марр в «Языке и мышлении», — имеет быть исторически разъясненным в своем обусловленном бытием установлении. Новое учение о языке, базируясь на огромном фактическом материале, добытом палеонтологией речи, раскрывает, что мышление, предшествовавшее логическому, в свою очередь прошло целый ряд ступеней-стадий со сменой на каждой из них закономерностей и техники».

Уже в 1928 г. в «Актуальных проблемах и очередных задачах языческой теории» Н. Я. Марр следующим образом резюмировал опыт своих исследований по вопросу о стадийных сменах языка-мышления: «принадлежность различных систем морфологии к различным периодам языкотворчества опирается не непосредственно на тот или иной тип техники, хозяйственной и социальной

структуры, а при посредстве мышления. Мышление не стабильно. В нашем распоряжении, как будто всего-навсего две ступени в стадийном развитии мышления: одна ступень — это то, что Леви-Брюль называет дологическим мышлением, а на наш взгляд мышление образное, и оно намечается к определению во времени длительностью громадного измерения, намечаемого многими десятками тысяч лет. Другое мышление — логическое . . . Для нас по истории развития звуковой речи громадной важности вопросом является процесс смены дологического мышления логическим. Мы не можем никак мириться с непосредственностью следования этих двух в корне различных систем мышления . . . Нам пришлось бы изменить всей увязываемой системе построения яфетической теории, если бы мы допустили такой механический порядок чередования одного мышления с другим, ибо мы были бы вынуждены тогда прибегнуть к чуждым нашему построению источникам, призвать на помощь какую-либо таинственную силу, как чудесную создательницу новой системы, и отказаться от социально-экономических факторов. При предпосылке же социально-экономических факторов наступление нового мышления и отход старого мыслимы при выделении первым из себя второго в порядке раздвоения или диалектического процесса. Нам подсказывают возможность прорастания дологического мышления логическим, но такой выход не устраивает палеонтологию речи, поскольку есть система языков, не отвечающих своей структурой логическому мышлению, и языковедные факты требуют отведения ей места перед периодом возобладания целиком логического мышления, и в то же время исключается возможность вместить ее в более ранний период господства дологического мышления».

Что касается вопроса о качественном различии мышления древнейших эпох — мышления образного, «дологического», и мышления логического, — то Н. Я. Марр неоднократно в разных своих трудах подчеркивает, что логическое мышление есть в сущности лишь формальное мышление, что логичность отнюдь не исключается и в мышлении образном, которое также является логическим, но что последнее в противоположность так наз. мышлению логическому характеризуется не аналитичностью, а синтетичностью. В то же время образное мышление носит более наглядный, менее абстрактный характер, теснее связано со своей материальной базой. Общий процесс развития мышления идет, как отмечает Н. Я. Марр в «Языке и мышлении», «в своих сдвигах не от материалистического восприятия к идеалистическому и не от идеалистического восприятия к материалистическому, а от нерасчленного материалистическо-идеалистического к расчлененному с уточнением материалистическому, производственно-идеологическому и техническому». Движущую силу в процессе перехода от мышления образного к логическому Н. Я. Марр усматривает в образовании общественных классов.